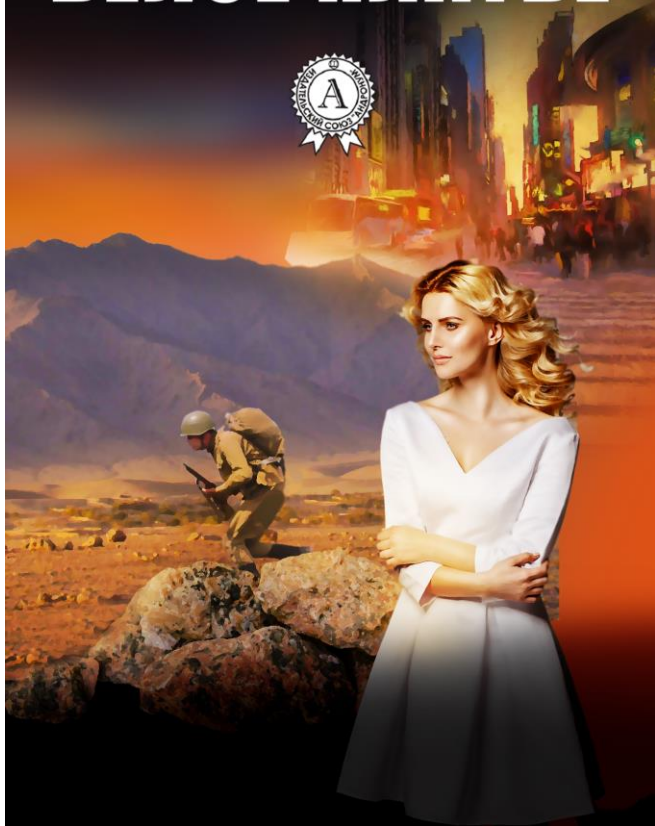

Вадим Ефимов

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ

1979 год. Роман — будущий художник, перед уходом в армию на память дарит своей девушке Ирине картину «Белое платье», а после службы обещает на ней жениться. Но попадает в Афганистан — в плен к душманам. На Родине его все считают погибшим. Он вынужден перейти на сторону моджахедов — возврата домой нет. Его девушка выходит замуж, друг попадает в тюрьму. Уехать из Афгана в Америку Роману помогает один эмиссар. Проходит 10 лет. Роман становится известным художником в Америке и решает показать свои картины в России. По памяти он вновь пишет «Белое платье» и выставляет картину на вернисаже в родном городе. Развязка событий непредсказуема.

Читайте новый остросюжетный роман ульяновского автора Вадима Ефимова «Белое платье».

ВАДИМ ЕФИМОВ БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

1979 год.

На столе лежали розы. Яркий солнечный луч коснулся их нежных лепестков, и они заиграли радужным цветом.

— Рома! — проговорила Ира. — Перестань рисовать! А то я сейчас уйду!

Парень с темными волнистыми волосами и голубыми глазами усмехнулся.

— Ира, я должен дорисовать эту картину, — пробурчал он и отодвинулся от девушки.

— Ты бы лучше меня нарисовал, — обиженно проговорила Ира и обняла его за плечи.

Роману шел девятнадцатый год. Это был человек, увлеченный своим миром, немного замкнутый, но искренний и добрый. Он был по уши влюблен в эту девушку. Ему нравилось в ней все. Её тонкие руки, фигура, большие зеленые глаза. Роман хорошо помнил их первую встречу. Они познакомились зимой на катке. Потом были первые свидания — внезапно нахлынувшая любовь. Той же

зимой он первый раз поцеловал её. Роман учился в художественном училище. Мальчик с детства хорошо рисовал, поэтому родители, не задумываясь, отдали его в искусство. Картины стали его отдушиной в этом сумрачном мире.

Но Ира порой не понимала его творения. «Ну что ты нашел в этих мертвых картинах?» — не успокаивалась она, когда Роман часами сидел с кисточкой. Это немного раздражало парня, но он не показывал вида.

Вот и сейчас она холодно посмотрела на нарисованные цветы и усмехнулась:

— Цветы как цветы!

Роман засмеялся.

— Неужели ты не видишь, как они прекрасны!

Ирина только пожала плечами.

— А ты же завтра работаешь, — наконец, положив в сторону кисть, проговорил Роман и повернулся к девушке. — Как же мы пойдем к Сашке на день рождения? А он обидится, ты же знаешь его.

Ирина работала модельером в одном из городских ателье и часто подрабатывала в ночную смену. Особенно сейчас, когда материальное положение её семьи пошатнулось. Отца у Иры не было, а мать не в силах была обеспечить своей девочке красивую жизнь. Она однажды так и сказала: «Любишь одеваться, умей зарабатывать!»

— Ром, а я немного посижу, а потом потихонечку уйду, — вздыхая, проговорила она. — Пойми, у меня заказ!

— И у меня заказ! — пробурчал парень и вновь взялся за кисть.

2

Это был удивительный человек. Среднего роста, с кудрявыми волосами и хитрыми, но в то же время какими-то грустными глазами. Он был неугомонный, но девушки от него просто сходили с ума. Сашка совал свой нос во все дела. Жалел маленького котенка, выброшенного на улицу, пожилую женщину, тяжело несущую полную сумку. Он старался помогать каждому, кто нуждался и не нуждался в этом.

«Солома» прозвали его ребята во дворе. Ничего удивительного в прозвище не было, ведь у Сашки была фамилия Соломенный.

Искренняя дружба с Романом родилась еще задолго до школьной скамьи. Они вместе ходили в детский садик, а потом вместе пошли в первый класс. Окончив школу, Сашка пошел учиться в ПТУ на газоэлектросварщика.

Роман дорожил дружбой с этим человеком. С ним легко можно было пройти на любой эстрадный концерт. Сашка мог запудрить мозги любому. Но

вот с любовью ему не везло. Вернее сказать, его любили, а он... Он все искал свою единственную и неповторимую.

В тот день ему исполнилось 18 лет. Счастливый и возбужденный, он встречал гостей. Играл магнитофон. На столе, помимо всяких яств, стояло спиртное, припасенное его отчимом как раз к этому дню.

Когда все гости расселись за стол, Сашка скомандовал:

— Рома, разливай!

— Привыкайте, — вмешался отчим. — Скоро в армию, а в армии все надо уметь. И даже это...

Стоял сентябрь, любимая пора Сашки, и он хорошо знал, что именно этим осенним призывом его и Романа заберут в армию.

— Саша, Сашенька, дай я тебя поцелую! — не сдержалась сидящая рядом с ним девушка, одетая в темную блузку. — Я тебя, дорогой, от всего сердца поздравляю! Желаю самого хорошего!

Она поцеловала его в щечку и положила рядом завернутый пакет. После первой рюмки Роман осмелел, и, встав из-за стола, подошел к другу.

— Саня! Прими и от нас с Ирой, — он специально сделал паузу, дав понять всем, что их отношения теперь серьезные. — Эту картину!

Роман торжественно поднял над столом

большой портрет друга.

— Ну! — раздались восхищенно голоса. — Да за это надо выпить!

— Шик! Блеск!

— Сашка! А ты такой здесь красивенький! — визжали девчонки.

— Молодец Рома!

...Праздник продолжался. Сашка поставил медленную музыку и пригласил Ирину. Она не отказала имениннику, ведь сегодня был его день.

Рома стоял в стороне и косо посматривал на них.

— Извини, друг! — смеясь, проговорил Сашка, увидев его недовольное лицо.

...Через час Ира и Роман ушли. Провожая подругу до работы, Роман вдруг неожиданно спросил:

— А тебе Сашка нравится?

Девушка остановилась и удивленно посмотрела на друга:

— Дурачок! Я люблю только тебя!

После сладкого поцелуя Ира вдруг загрустила.

— Ром, тебе же скоро в армию.

— Ты будешь меня ждать, — прошептал он и обнял девушку. — Всего два года. Они пролетят так быстро.

Ирина ничего не сказала в ответ, лишь тяжело

вздохнула.

3

Быстро летели сентябрьские дни. Осенняя листва уже стала покрывать землю.

— Саня! — раздался голос идущего сзади Романа. — А мы с Ирой решили после армии пожениться. Ты будешь у меня свидетелем?

— Поздравляю! — протянул Сашка. — Ром, только ты не обижайся, но два года — это большой срок. Все может случиться. Мне вон пацаны рассказывали: любила-любила, а потом — бац! — и выскочила за другого. Не дождалась.

Сашка взглянул на Романа. Увидев печаль в его глазах, он сразу же переменялся.

— Да ладно, у вас все будет хорошо, — сказал он и перевел разговор на другую тему, вспомнив при этом про день рождения. — Да, Ром, что ты меня вечно позоришь? На черта ты мне подарил портрет. Не, ну честное слово! Я что, какой-нибудь вождь? Ты бы еще внизу года жизни подписал. Нарисовал бы мне лучше голую бабу — и то приятнее было бы. А то как-то неудобно перед друзьями.

Он на минуту замолчал и неловко стал шуршать ногой по листве. Потом вновь посмотрел на Романа и произнес:

— Мне вон Валька вчера говорит, что только двоим портреты на день рождения дарят: мне и Брежневу.

Роман засмеялся.

— Эх, Солома, Солома! И ничего ты не понимаешь, это же произведение искусства!

— Да ладно тебе, произведение искусства. Иди, тебя уже ждут твои коллеги-художнички.

Перед входом в училище стояла небольшая группа ребят, которые увлеченно что-то обсуждали.

— Ты сегодня не работаешь? — спросил Роман Сашку.

— Нет, и завтра нет, у меня отгулы.

— Саш, а тебе Валентина нравится? — неожиданно спросил Роман.

— Не знаю, — Сашка покраснел. Но откровенному разговору не суждено было состояться. — О, только её не хватало! — кивнув в сторону, пренебрежительно произнес Солома. — Выплывает из тумана. Глаза бы мои её не видели!

Махая ручкой, легкой походкой к ним кокетливо подошла Анна. Эта болтливая и веселая девчонка постоянно дразнила Сашку, и поэтому так не нравилась ему. Хотя сама без ума была от него. Просто в силу своего характера она не могла не подколоть парня.

— Мальчики, как я рада вас видеть! — воскликнула она, и, взглянув на Сашу, затаила

дыхание. Но тут же продолжила. — Я забыла, ведь осень. А я думаю, почему твои кудри пожелтели? Они у тебя такие стали золотистые.

— Как всегда, в своем репертуаре! — Сашка отвернулся.

— Здравствуй, красавица! — улыбнулся Роман и поцеловал ей ручку.

Аня не была красавицей, и прекрасно об этом знала, но это её несколько не волновало. Наоборот, её главным правилом жизни было: «не родись красивой, а родись счастливой». А то, что она счастливая, Аня верила на все сто процентов. Да и изящная фигурка давала лишний раз повод для накаливания страстей сильного пола.

Аня обошла Сашку и вдруг неожиданно поцеловала Романа в щечку.

— А тебя, Саш, не могу, вот на дне рождения я бы тебя всего расцеловала с ног до головы, — она вздохнула. — Но ты же меня даже не пригласил. А я тебе такой подарок приготовила!..

Поняв, что начинаются разборки, Роман извинился и поспешил в училище.

— Вечером позвони! — крикнул ему в след Сашка.

— Ну, пойдем, пройдемся! — взяв Аню под руку, Сашка важно зашагал по тротуару, что-то насвистывая себе под нос.

— Саш! — Аня разом изменилась, вмиг

пропали её кокетство и игривость. Она взглянула на недовольное лицо друга и продолжила:

— Я хочу...

Она словно не решилась чего-то сказать.

— Ну, говори...

— Саш, мне нужны деньги. Рублей триста.

Сашка даже присвистнул.

— Ах, да, бедная козочка, ни матери, ни отца...

— Саш, мне надо, понимаешь, надо! Я верну тебе их через два месяца.

Сашка с недоверием посмотрел на неё.

— Через два месяца я буду шагать «ать-два, ать-два». Поняла, Аня?

— Ну, после армии. Сашенька, ты же работаешь и у тебя есть деньги. Я ни к кому не обращалась, только к тебе. Ведь раньше я тебя ни о чем не просила.

Сашка сказал, что подумает. Тут он увидел троллейбус, быстро попрощался, и побежал к остановке.

Через несколько дней Саша все-таки одолжит Анне половину необходимой суммы, когда узнает от Вали, зачем ей понадобились деньги.

4

Был прекрасный сентябрьский вечер. Такого

вечера Сашка ждал давно. Он специально ушел пораньше с работы, побрился, надел все лучшее, купил цветы и как истинный джентльмен пришел к Вале.

Первый раз вечером они остались одни в квартире. Она первая начала целовать его, нежиться в объятиях.

— Саша, я тебя люблю! — шептала она. — У меня еще не было парня, ты будешь первый!

Саша целовал её шею, губы, прижимаясь к ней все сильнее и сильнее.

— Я тоже тебя очень люблю.

Он гладил её набухшие груди, а потом стыдливо, даже осторожно поцеловал её живот. Дыхание становилось все напряженней, и ему вдруг показалось, что сейчас произойдет что-то страшное. Он покраснел, так как больше не мог совладать с собой. Страсти любви разгорались все сильнее. Валя расстегнула ему рубашку, потом сбросила с себя платье. Одаривая друг друга поцелуями, они не заметили, как их обнаженные тела переплелись...

— Саша, а у нас ведь тоже может быть ребенок, — проговорила Валя, когда все было позади и в комнате повисла тишина. Саша положил ей руку на грудь.

— Ты же хочешь, чтобы он был? — продолжила девушка. — Только я не хочу, чтобы

это было, как у Ани.

Саша приподнялся с кровати.

— А как у Ани? — спросил он.

— Она беременна и хочет делать аборт. Скрывает. Но разве у нас что-то можно утаить? Я знаю, что она хочет сделать аборт тайно. Вроде бы даже деньги нашла. И кто ей только дал? — говорила Валя, поглаживая спину друга.

Саша застонал и упал головой в подушку. Теперь ему стало понятно, для чего она просила денег.

— Ты же никому об этом не скажешь, правда, Саша? — прошептала Валя и поцеловала его в шею. Но Саша не ответил взаимностью. Он думал об Анне. Ему как никогда стало жаль её.

— И кто же её так осчастливил? — спросил он.

Валя лишь пожала плечами, и, усмехнувшись, обняла друга.

5

— Вот и закончилась наша вольная жизнь! — с грустью проговорил Роман, показывая Ирине повестку.

Он тяжело вздохнул, и, загибая пальцы, начал считать года:

— 79-й, 80-й, 81-й... Осенью 81-го мы опять

будем вместе!

На глазах у девушки блеснули слезы.

— Ты плачешь?

— Рома, мне кажется, что я тебя больше не увижу.

— Дура! — резко бросил Роман и отвернулся.

Потом коснулся её волос и прошептал:

— Я так же, как и сейчас, обниму тебя!

Он дотронулся рукой до её хрупкого тела, и, прижав к себе, начал страстно целовать её губы.

— Все будет хорошо!

— Рома! Я хочу ребенка, — вдруг произнесла Ира и опустила голову.

— Но мы даже не поженились, — Роман застыл как вкопанный.

— А что, для этого нужен штамп в паспорте? Я хочу от тебя ребенка. Что в этом плохого? Ведь ты вернешься ко мне?

— Но сейчас это нереально, пойми. Мы будем еще вместе, у нас будет время.

У неё задрожали губы, и она, не сдерживая слез, бросилась на диван.

— Зачем ждать два года? Это целая вечность. Твой ребенок будет каждый раз напоминать мне о тебе, — смахнув слезу, проговорила она.

Но Роман с присущей ему детской наивностью начал успокаивать подругу.

— Да все будет хорошо, два года пролетят

незаметно. Мы будем писать друг другу письма, я приеду в отпуск.

Он поцеловал её заплаканное лицо и присел рядом.

— Подожди минутку, я сейчас.

Рома прошел в свою комнату и через минуты вынес оттуда какой-то холст. Ирина с безразличием посмотрела на полотно, не пытаясь даже понять, что там нарисовано. Это был лишь эскиз.

Она хотела сказать, что устала от этих картин, но вдруг её что-то остановило. На картине была нарисована красивая полуобнаженная девушка.

— Кто это? — спросила Ирина.

— Ты... — усмехнулся Роман. — Я подарю эту картину тебе.

Ира пристально смотрела на холст.

— Странная картина! — вдруг произнесла она и отвернулась. — И что это значит? Девушка, стол и небрежно лежащей на столе белое платье.

Роман усмехнулся, потом пожал плечами и промолвил:

— А что тут непонятного? Ты стоишь, рядом стол, на котором лежит твое венчальное белое платье. Да. Да. Именно так я и назову картину «Белое платье». Она будет нашим талисманом. Ты будешь хранить её у себя, пока я не вернусь.

Ира неловко улыбнулась. Потом провела пальчиком по губам Романа и прижалась к нему.

Вечер постепенно вступал в свои права...

6

Октябрь 1979 года.

Вся эта предармейская суэта никак не укладывалась в новую жизнь Романа. Военкомат, медкомиссии, собеседования, нудные и неинтересные лекции о роли Вооруженных Сил в жизни страны. Ему стало казаться, что его готовят совершенно для другого мира, где все не так.

— Ну что, входи! — сказал поседевший майор, увидев стоящего возле двери Романа.

Парень вошел в кабинет, посреди которого стоял большой стол. За ним сидели члены аттестационной призывной комиссии.

— Кушнерёв Роман Владимирович, 1960 года рождения, русский, студент... — монотонно начал читать анкетные данные старший лейтенант. — По заключению медицинской комиссии РВК, признан годным к строевой службе...

Майор посмотрел на Романа, и, перевернув карточку, спросил:

— Куда хотите пойти служить, Роман Владимирович?

Парень опустил глаза. «Только не на флот». В этот момент майор встал и подошел к нему.

— Десантные войска! Не желаете, товарищ

Кушнерёв?

Роман пристальным взглядом посмотрел на офицера и пожал плечами.

— Ну и хорошо, на этом и порешим, — не дожидаясь утвердительного ответа, сказал майор. — Парень вы, я смотрю, крепкий, нам такие в ВДВ нужны. Все, можете идти, пригласите следующего.

Роман вышел из военкомата сам не свой. С одной стороны, ему нравились голубые береты и тельняшки, но с другой стороны — он боялся высоты, боялся прыгать с парашютом.

Он подбежал к первой попавшейся телефонной будке и позвонил Сашке. Ему хотелось поделиться с ним этой новостью.

— Все, Санек, загремел в десант, — услышав в трубке голос друга, сказал Роман. — А ты куда попал? В колхозные войска, наверное?

Он пробовал шутить, но у него это не получалось. На душе была какая-то тяжесть.

— Пехота! — кричал Сашка. — С моим-то ростом да и с моим языком...

И он рассказал другу, как его в военкомате чуть не отправили на флот — на три года.

— Еле выкрутился, наплел комиссии черт знает что.

— Сашка, я через неделю уезжаю, — прервал его Роман. — В воскресенье проводы. Приходи с

Валей.

Попрощавшись с другом, он повесил трубку и задумчиво пошел в сторону городского парка.

В воскресенье были проводы. После того как все гости разошлись, Роман с Ирой уединились в комнате. После сладкого поцелуя он показал ей картину.

— Посмотри, какая получилась! — торжественно произнес Роман.

Но Ире в этот вечер хотелось любви и ничего больше.

Она положила картину на стол, потом подошла к Роману, и, коснувшись его груди, стала медленно расстегивать ему рубашку. Роман отвел в сторону волны её волос и поцеловал девушку в губы. Потом он крепко обнял её, и она застонала от любовной сладости. Они упали на кровать, сбрасывая с себя одежду. Он целовал её груди, шею. Ирина тяжело дышала, постепенно захлебываясь в бурном водовороте любви.

...Они долго лежали в объятиях друг друга, вспоминая дни, проведенные вместе.

— Вчера мне снился сон, страшный сон, — сказала вдруг Ира. — Что мы... Что мы потерялись.

Роман вырвался из её объятий и пробурчал:

— Хватит говорить о плохом, накаркаешь еще!

Не дав больше ей сказать и слова, он набросил на плечи легкий халат и прошел на балкон. Во многих домах уже погасли огни, город медленно погружался в сон.

7

Большая толпа людей скопилась у железнодорожной платформы. Впереди показалась колонна призывников, и площадка перрона ожила, стала напоминать огромный муравейник. Здесь смеялись, смотрели в глаза друг другу и не сдерживали слез. Лишь в двух метрах от всего этого стояли приунывшие офицеры и постоянно поглядывали на часы.

— Становись! — наконец-то раздалась команда. — Товарищи провожающие, просьба не мешать!

Роман крепко обнял свою мать.

— Все будет хорошо! — он еле сдерживал слезы. Потом повернулся к Сашке. — Ну, друг, прощай! Пиши, как приедешь на службу...

— Мы обязательно встретимся! — сказал Сашка и прикусил губу, чтоб не разрыдаться.

Роман набросил на плечо вещмешок, взял под руку Ирину и отошел с ней в сторону. Они пару минут стояли, обнявшись, боясь произнести хоть слово.

Когда вновь прозвучала команда, Ира вцепилась в Романа:

— Каждый день мне пиши, я буду ждать писем. Рома, я люблю тебя!

— Становись! Равняйся! Смирно! — уже кричал офицер.

— Все, Ира, мне надо идти! — он поцеловал её в щечку и побежал в строй.

— Рома! — закричала Ирина, но офицер подал команду, и колонна призывников направилась к вагонам.

Тут Ира вспомнила про пирожки, с которыми провозилась почти до полуночи. Она выхватила из сумочки небольшой пакет, и, пробиваясь сквозь толпу провожающих, стала кричать Роману. Он должен её обязательно услышать.

Вот он посмотрел в её сторону. Собрав все силы, она бросила пакет, надеясь, что Роман поймает его. Но парня волной занесло в вагон. Пакет пролетел через толпу зевак и упал почти у самого поезда.

Зазвучал марш «Прощание славянки». Ирина не сдержалась и зарыдала. В этот момент к ней подошел Сашка. Он взял её под руку и попытался успокоить.

Роман, увидев их, начал сильно барабанить по окну. В какой-то момент Ирина вдруг резко обернулась. Она увидела любимого человека,

замахала ему рукой, но тут состав тронулся, и через минуту-другую поезд скрылся из вида.

Роман сидел у окна и смотрел, как таял родной город. Страшно хотелось плакать, но он держался.

По вагону прошел прапорщик и пересчитал призывников. Сидевший напротив Романа парень первым нарушил молчание.

— Когда прибудем на место, товарищ прапорщик? — спросил он.

— Завтра вечером, — буркнул военный и направился в тамбур.

Роману не хотелось сейчас ни с кем говорить. Он смотрел в окно. Мимо проплывали знакомые места: речка, пляж, лес. Все то, что было в его детстве.

8

Ирина вернулась домой. Все было так одиноко и тоскливо! Хотелось верить, что эти два года пролетят одним мгновением, и все будет, как раньше.

Только как прожить эти два года без него? Ждать почтальона и торопить дни? А вдруг Роман там встретит какую-нибудь девушку, а в письмах будет обманывать меня?

Ирина терзала себя размышлениями. «А как

же тогда ребенок?»

«Ребенок!»

О том, что она скоро станет матерью, она узнала три дня назад. Ирина в тайне от всех сходила в женскую консультацию и сдала необходимые анализы.

Роману она решила ничего не говорить. Решила, что лучше потом, в письмах все объяснит.

Ирина подошла к зеркалу, сбросила платье и стала внимательно разглядывать свой живот. Потом прошлась по комнате. Хотела вновь подойти к зеркалу, но тут увидела картину, которую ей подарил Роман.

Холст до сих пор был запакован. Ирина разорвала бумагу и, поставив картину на стол, присела рядом.

«В знак большой любви!» — прочитала она надпись в углу, в самом низу.

— Что в ней такого? Незамысловатый сюжет: полуобнаженная девушка, цветы и белое венчалное платье на столе. Он так её и назвал — «Белое платье», сентябрь, 1979 год, — проговорила Ирина.

«А впрочем, здесь я красивая!» — подумала она, и, взяв картину в руки, закружилась с ней по комнате.

«Это теперь наш талисман, — радовалась она. — Ты будешь всегда со мной. Ты принесешь

мне удачу!»

Она поставила картину на самое видное место и отошла к окну.

«А он неплохой художник, — вновь бросив взгляд на холст, подумала Ирина. — И как кстати здесь это венчальное белое платье! Девушка хочет надеть его на свадьбу. О, Господи! Как я хочу, чтобы это случилось. Пусть то, что он нарисовал, обязательно сбудется!»

Вдруг она замерла и даже слегка побледнела. Последняя фраза показалась ей страшной. На картине она одна и рядом никого нет. К тому же она так и не надела венчального платья.

Ирина фыркнула, словно освобождаясь от плохой мысли, и включила легкую музыку...

9

Заканчивался октябрь. Через неделю проводили в армию Сашу. И жизнь у всех закрутилась в своем обычном ритме. Ирина работала в ателье, Валентина продолжала учиться в пединституте. Подруги часто перезванивались, но разговоры были лишь о любимых солдатах. В общем-то, служба у них складывалась хорошо. Где-то в Белоруссии служил Роман, а Сашку судьба забросила в далекий Казахстан. Парни писали исправно, и, хотя больше они описывали

солдатский быт, но в конце письма обязательно было: «Жду и люблю!»

Однажды как-то, возвращаясь с работы, Ира встретила своего бывшего одноклассника, который недавно вернулся из армии. Она сначала его даже не узнала. Он возмужал и сильно изменился.

— Старший сержант Борисов! Привет, Ирка! Ты все хорошеешь и хорошеешь!

— Коль?! Неужели ты? — обрадовалась Ира и поцеловала школьного друга в щечку.

— Ну, где ты? С кем ты? Рассказывай!

— Борисов, ну знаешь, такие вопросы! — закачала головой Ира.

— А что, поинтересоваться нельзя, замужем ли моя любимая девушка? — демобилизованный вояка говорил как заводной. — А может быть, я прямо с корабля на бал? Вспомни, одно время мы с тобой так красиво встречались!

Борисов почесал затылок и продолжил:

— Эх, было время... А у тебя ведь в 10-м какой-то моложавый появился. Из младшего класса. Он при тебе еще?

— Он в армии, — сделав печальное лицо, произнесла Ирина.

— Армия — это вещь, она настоящих мужиков делает...

Они немного прошлись, вспоминая прошлые года. Ирине даже понравилась прогулка. Как давно

она вот так не гуляла по городу!

— А помнишь, как я тебя первый раз поцеловал? Ну, мы тогда еще с урока физики сбежали. Дождь проливной был. Ну, помнишь, в подъезде?

Конечно, Ира все прекрасно помнила. Но сейчас она больше вспоминала о поцелуях Романа. Пусть не таких страстных, неумелых, но зато самых сладких.

Коля долго еще рассказывал о себе, о своей службе. Они вспомнили весь класс, и Ира не заметила, как очутилась возле своего дома.

— Ну, вот мы и пришли, теперь я живу здесь, мы переехали, — проговорила она и посмотрела на Колю.

— А я даже и не знал, — удивился он.

— Ну, мне пора! — Ира пожалала плечами.

— Как пора? — Коля взял её за руку. — А я хотел тебя пригласить в гости. У меня как раз никого нет.

— Ни-ко-го-нет! — по слогам повторила Ирина и улыбнулась.

В этот момент Коля неожиданно обнял её и поцеловал. Ирина даже не успела увернуться.

— Ну что ты делаешь? — отскочила она от него, и, не попрощавшись, побежала к подъезду.

— Ира! — услышала она вслед.

Но девушка не обернулась.

Как трудно было привыкать к новой жизни! Вставать и ложиться по команде, есть эту кошмарную пищу. Слушаться старшину и старших по званию, ходить на построения, делать приборки и зубрить уставы. Все это настолько перевернуло сознание, что, казалось, мир сошел с ума. Роман даже начал думать, что этот кошмар никогда не закончится.

Учебное подразделение, в котором он служил, было одним из лучших в округе. По крайней мере, по всем показателям боевой и политической подготовки. Хотя в подразделении так же как, и везде, господствовала «дедовщина». Молодые солдаты, замученные муштрой на плацу, уже чуть ли друг перед другом не ходили строевым шагом. Но это было ерундой по сравнению с теми унижениями и оскорблениями, которые нередко позволяли себе старослужащие, или, как здесь их называли, «деды».

Командир отделения каждый день проверял у Романа знание устава. Придирался к каждой неправильно сказанной строчке. И Роман начинал все с начала.

Однажды он просидел до трех часов ночи, но так и не смог ответить без запинки «Обязанности

солдата в строю».

Перед отбоем тоже нередко случались представления.

— Отбой! — раздалась команда дневального. Все вмиг оказались в койках. Лишь возле стены еще копошился какой-то солдат.

— Что это такое? — проревел дежурный по роте. — Рота, подъем! 45 секунд на одевание. Время пошло...

Солдаты повскакивали из коечек. И, кое-как надев на себя форму, через минуту уже стояли в проходе.

— Что, салаги, совсем обурели? — кричал на них дежурный. — Из-за рядового Смирнова будете отбиваться несколько раз.

— Рота, отбой! — вновь закричал он. На этот раз Роман еле уложился.

— Издеваются, как хотят! — прошептал он, соседу по койке.

Над казармой опустилась тишина. Солдаты лежали, боясь шелохнуться.

— Так, Локтев не уложился! — надменно проговорил дежурный и вновь закричал. — Рота, подъем!

Старослужащие лежали и посмеивались над этим цирком. Когда вновь все улеглись, дежурный, порядком уставший от воспитательного процесса, с ухмылкой произнес:

— Вот чтобы такая мертвая тишина была. Спите, салаги, на сегодня все!

Сплюнув на пол, он направился к дневальному, для которого служба только начиналась.

11

Однажды на политзанятиях Роман не выдержал и заснул. Сон сразил парня наповал. Помог еще и монотонный, неинтересный рассказ замполита.

— Рядовой Кушнерёв! — заметил его офицер.

Напарник толкнул Романа в бок, и он инстинктивно вскочил с места, не совсем понимая, что происходит.

— Вы что, не выспались? — удивленно спросил замполит. Роман промолчал.

— Живаев! — обратился офицер к командиру отделения. — Объясните ему, как надо сидеть на политзанятиях.

Роман с ненавистью посмотрел на замполита. Кто-кто, а офицер точно знал, что он с двумя товарищами до четырех часов ночи чистил картошку, и, конечно же, не выспался.

По окончании политзанятий Живаев позвал Романа в бытовую комнату.

— Что, совсем нюх потерял? — выставляя

грудь вперед, проговорил командир отделения.

Роман молчал. Он знал, что сейчас лучше промолчать, никакие оправдания не помогут.

Но Живаев не стал читать морали. Ударил его в спину и толкнул к стене. Роман еле удержался. Но в этот момент сзади последовал новый удар. Перед ним стоял еще один «дед». Старослужащий усмехнулся и со всей силой прошелся Роману по лицу. Из носа пошла кровь, и Роман присел на корточки.

— Теперь понял, как надо вести себя? — прошипел Живаев, схватив Романа за волосы. — Один наряд за плохое поведение на политзанятиях!

Старослужащие ушли, а Роман остался в бытовке. Но тут скрипнула дверь, и в комнату вошел его друг Алеша Сурин. Это был немного замкнутый, но отзывчивый парнишка, рано познавший несчастье. Ему не было и пяти лет, как умерла мать.

Роман быстро сдружился с ним, и они старались держаться вместе. Алеша попытался успокоить приятеля:

— Ты же знаешь этих сволочей, им только дай повод докопаться. Подонки, одним словом!

Он похлопал Романа по плечу, и они пошли на построение.

На следующий день на утреннем осмотре, увидев у Романа синяк под глазом, командир взвода

поинтересовался:

— И кто же вас так?

Роман опустил голову. Тогда лейтенант позвал командира отделения.

— Доложите, товарищ Живаев, откуда у вашего подчиненного вот это? — офицер указал на синяк под глазом.

На лице Живаева скользнула ехидная улыбка.

— Я упал, — неожиданно проговорил Роман.

— Где же? И интересно, как? — недоумевал офицер.

— Он упал, — подтвердил Живаев, встав по стойке «смирно». — Я видел, как он ударился об стол. Хорошо, что глаз не выбил, товарищ лейтенант.

Роман злобно посмотрел на своего командира отделения.

— Пишите объяснительную, — приказал командир взвода. — Прямо сейчас. И все как было.

Живаев и Кушнерёв прошли в бытовую комнату. Командир отделения закрыл плотно дверь и подошел к рядовому:

— Кушнерёв, не смотри на меня волком. Это солдатская жизнь. У неё свои законы. Будет тебе год, и ты будешь нормально жить. Пойми, и никто ничего здесь не исправит. Даже этот зеленый лейтёха, наш комвзвода. Я в свое время тоже вставал в пять и чистил до четырех часов ночи

картошку. Драил туалеты и стирал вонючие носки «дедам». И я так же ходил в синяках. А почему?

— Потому что ты сам этого хотел! — огрызнулся Роман, и, взяв чистый листок, начал сочинять объяснительную.

Живаев промолчал.

12

Шел декабрь 1979 года. По учебному подразделению поползли слухи, что отдельные разведроты скоро отправят в Афганистан. Эту новость Роман воспринял с энтузиазмом. Так хотелось поскорее забыть эту строевую и огневую подготовку, зубрежку уставов.

Впрочем, все прояснилось 28 декабря. Утром роту срочно построили на плацу. Командир неторопливо пробежал глазами по строю и громко скомандовал:

— Равняйся! Смирно! Равнение направо!

Чеканя шаг, он подошел к командиру батальона.

— Лёха, чего им нейдет перед Новым годом? — тихо проговорил Роман стоящему в первой шеренге другу.

Суринов пожал плечами:

— Жираф большой, ему видней!

Поздоровавшись со строем, комбат сразу же

перешел к делу:

— Я обращаюсь к вам от имени высшего военного командования страны. Должен вам сказать, что на вас, товарищи, возложена ответственная задача: с сегодняшнего дня вы — воины-интернационалисты.

Небольшой шумок пробежал по строю. Но комбат, не обращая на это внимания, продолжил:

— Вы знаете, какая сейчас сложная обстановка в Афганистане. Наш братский сосед в опасности и просит помощи. Апрельская революция победила, но бандформирования, при поддержке Пакистана и США, хотят вернуть страну в прошлое. Экстремисты хотят задушить молодую демократическую республику. Советское правительство приняло мудрое и правильное решение ввести советские войска в Афганистан. И вам, товарищи солдаты, выпала честь войти в республику одними из первых. Вы должны гордиться этим!

Роман побледнел. Взглянул сначала на начальника политотдела (тот стоял, с опущенной головой), а потом — на своего ротного и прошептал:

— Лёха, кажется, попались!

— Срок отбытия — 2 января, сразу же после праздника, — сказал комбат и приказал подразделению готовиться к отправке.

Строй распустили, и солдаты молча пошли в казарму.

— Пацаны, это хорошо или плохо? — домогался до каждого рядовой Локтев. — Что это значит, интернационалист?

Но никто ему не ответил. Правда, старослужащие усмехались: мол, наконец-то постреляем из автоматов.

Вся предпраздничная подготовка теперь отошла на второй план. Молодые приуныли, да и «деды» старались по мелочам не докапываться до них.

— Нас не возьмут, нам до дембеля осталось три месяца! — говорил Живаев своим бойцам. — А вам там достанется. Это не на политзанятиях сидеть, там война!

Офицеры запретили солдатам сообщать домой об Афганистане. Почта была взята под строгий контроль. Замполит заявил, что как только будет известен адрес полевой почты, можно будет послать родным весточку.

Новогодний праздник не прибавил настроения. К тому же все ограничилось небольшим праздничным столом и телевизором. Солдаты даже не стали готовить театрализованную программу. В час ночи все легли спать. А уже второго января их жизнь полностью изменилась.

«Здравствуй, моя любимая! У меня все хорошо!» — по несколько раз в день перечитывала письма Ирина. Сегодня она получила еще одно. После трехмесячного молчания.

Она знала, что Роман в командировке, но не думала, что столько времени от него не будет вестей.

Три месяца ожиданий, казалось, сведут её с ума. Она старалась ни о чем плохом не думать и с головой погрузилась в работу. Лишь по выходным иногда ходила в кино. То с подругами, то с бывшим одноклассником Колей Борисовым. Он, кстати, зачастил к ней. Ирина сначала была против этих встреч, но потом сама для себя решила, что ничего дурного в этом нет. Она любит Романа и только его, а Коля всего-навсего школьный друг.

Однажды, возвращаясь с ним после концерта домой, она случайно встретила мать Романа, Александру Григорьевну. Ирина побледнела, но седоволосая женщина прошла мимо, гордо подняв голову. Ира тогда не спала всю ночь, и лишь часы пробили девять утра, позвонила ей домой.

Она пыталась оправдываться, солгала, что с ней был дальний родственник. Но умудренная жизненным опытом женщина дала понять девушке, что она вправе делать все, что захочет. Ведь они с

Романом не женаты. Ирина обиделась на это.

Но больше всего её волновала беременность. Ирина иногда с ужасом смотрела на себя в зеркало. Что о ней будут говорить, когда округлится живот? А самое главное, что скажет мать Романа? Да и сам Роман еще ничего не знает.

...В то февральское утро Ирина, как обычно, встала рано. Только позавтракала, как раздался звонок в дверь. На пороге стоял её новый кавалер.

— Собирайся! — не скрывая радости, почти прокричал Коля. — Братан купил машину!

Ирина порадовалась за него, и, не раздумывая, согласилась покататься. Ей так хотелось развеять тоску.

Они выехали за город, где было много снега. Коля уверенно вел машину, и все посматривал на подругу. Что-то рассказывал ей про автомобиль, а потом вдруг запел. Ирина засмеялась.

Они остановились возле небольшой речушки. Ирина вышла из салона и прошлась по берегу. Как здесь было хорошо! Лес в снегу и первозданная тишина. Она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Ирина не заметила, как к ней подошел Коля и дотронулся до её плеча. Потом резко схватил её и прижал к себе.

— Ты что? — одернула она его и отошла в сторону. — Коля, извини, но нам не стоит больше встречаться. Я люблю Романа. Спасибо тебе за все,

но я действительно люблю другого человека. Ты для меня навсегда останешься другом.

— А мне плевать, что ты его любишь! — ухмыльнулся Коля. — Ты будешь моей. Как в восьмом классе, я уже все решил. Мы уедем из этого города. Ты будешь жить со мной как королева.

— Не надо, Коленька! — она первый раз так ласково назвала его, и он удивленно посмотрел на неё.

— Ира! — он подошел к ней и коснулся её лица. — Но ты же любила меня. Да что ты в нем нашла? А если через два года он привезет другую бабу? Я и только я тебя безумно люблю! Я буду носить тебя на руках! У нас будет ребенок...

Услышав эту фразу, Ирина резко взглянула на Николая. Но потом отвернулась и тихо проговорила:

— Коля, я беременна! Понимаешь, это ребенок Романа.

Парень чертыхнулся, поднял лежащую на снегу палку, со злостью бросил её в речку.

— Ну и что? Я все равно люблю тебя! — крикнул он на весь лес.

Ирина ничего не ответила и медленно пошла к машине.

Всю обратную дорогу они молчали. Коля остановил её прямо у подъезда.

— Я хотел, как лучше, понимаешь! — сказал он, глядя Ирине в глаза. — В любом случае ты можешь рассчитывать на меня.

Ирина усмехнулась, тихо поблагодарила его за прогулку и вышла из машины. Парень проводил её взглядом до подъезда, и как только она исчезла за дверью, переключил скорость.

Ирина открыла дверь своим ключом, вошла в коридор, и, облокотившись об стенку, закрыла глаза.

— Что случилось, дочка? Ты вся бледная, — подошла к ней мать.

— Мама, я не знаю, что делать, — чуть не плача проговорила она.

— Да что происходит?

Но Ирина так и не решилась сказать главного. После небольшого молчания она ответила, что ей просто нездоровиться, но мать догадывалась, что её дочь переживает.

В тот же день Ирина решила написать Роману о ребенке.

«Он поймет меня!» — успокаивала она себя.

Ирина отправила письмо, и словно тяжкий груз свалился с плеч. Так легко стало на душе. Ей даже показалось, что сегодня самый счастливый день в её жизни. После обеда она решила сходить к Анне, которую давно уже не видела.

Подруга обрадовалась её приходу. Прямо с

порога она стала рассказывать про свои новые покупки. Хотела все показать, но вдруг в коридоре раздался звонок.

— А это Валя, — махнув рукой, произнесла Анна. — Обещала зайти. Сегодня у нас день встреч подруг!

— Вот это да! — увидев Ирину, крикнула с порога Валентина.

Подруги поцеловались и прошли в зал. Аня предложила всем для начала примерить её новые наряды.

Ирине к лицу было сиреневое платье, которое Аня купила на барахолке. В нем она была элегантна и свежа. Но её уже выдавал округлившийся животик. И это первой заметила Валя.

— А у тебя никак живот! — удивилась она. Ирина побледнела.

— Да ты беременна? И от кого же, Ириша? — не успокаивалась Валентина.

— Девочки, ну не надо так жестоко шутить, — вступилась за подругу Анна. — Ира любит Романа. Все у них будет хорошо!

Но Валю словно подменили.

— Весь двор говорит, что ты с Борисовым ходишь.

Ира злобно взглянула на подругу и хотела уже уйти, но Аня остановила её.

— Девочки, ну давайте не будем ссориться?

Валька, ты чего взъелась на неё. Живот, живот. Может, она поправилась!

— Я люблю Романа и выйду замуж только за него. Увидите, я вас приглашу еще на нашу свадьбу. Ты, Аня, будешь моей свидетельницей, — Ирина специально сказала это, чтобы задеть Вальку.

Та сразу же изменилась в лице и кокетливо запричитала:

— А Сашечка мой бедный служит сейчас так далеко. Как ему, наверное, плохо без меня...

Вдруг Валя косо посмотрела на Аню:

— Он ведь и тебе пишет! Я знаю, как ты выпрашивала адрес у его родителей. Придумала какую-то историю. Зачем он тебе? Анечка, прошу уйти с дороги. Ведь ты же...

Она хотела сказать ей про неудавшуюся любовь, напомнить про аборт. Одним словом, сделать больно, но промолчала.

— Ну, говори, — спокойно произнесла Аня. — Да, он мне нравится. И мы с ним переписываемся...

— Так! Прекратим этот разговор, — повысила голос Ирина. — Мы что, пришли ссориться?

Подруги промолчали, но дальнейшего разговора не получилось. Ирина сослалась на дела и поспешила уйти. Вместе с ней ушла и Валя.

Сашка Соломенный служил в мотострелковой части и вот уже третий месяц осваивал БТР. Служба ему нравилась, и он видел в ней даже какую-то романтику.

Вместо нудных политзанятий, строевой и огневой подготовки он целыми днями пропадал в гараже. Там он был предоставлен самому себе. Мог даже, забравшись внутрь боевой машины, вздремнуть часок-другой.

Сашка быстро нашел общий язык со всеми солдатами и офицерами части. Его редко ставили в наряды, он практически не ездил на хозработы и даже умудрялся иногда ходить в самоволку. В общем, служба казалась раем.

В то январское утро он получил сразу три письма. Одно — от Романа, и он его тут же прочитал. Друг сообщал о предстоящей командировке и просил пока не писать ему на старый адрес. Остальные письма были от Вали. Честно говоря, Сашка устал читать её послания, в которых было одно и то же. Поэтому, оставив письма на вечер, Соломенный, как и обычно, пошел в гараж. На выходе из казармы он чуть не столкнулся со своим командиром взвода, старшим лейтенантом Нечаевым.

— Соломенный! —

окликнул

его

командир. — Ты мне не поможешь в одном деле?

— С удовольствием! — не по-уставному ответил солдат.

— Да гараж я строю, понимаешь! — начал объяснять командир. — В общем, нужна рабсила.

— Готов, как пионер, к труду и обороне! — Сашка улыбнулся и отдал честь.

После обеда командир показал ему место будущего гаража. Там уже была вырыта яма. Получив задание, Соломенный приступил к работе. Класть кирпичи он научился еще на гражданке, поэтому ему не составило большого труда выложить стену.

Сашка почти каждый день уходил из части. Гараж находился недалеко, поэтому лейтенант особо не волновался за своего подчиненного.

Все бы ничего, но в один из январских дней Саша познакомился с молодой женой лейтенанта, Антониной. Она целыми днями сидела дома. Скука страшная. Ни друзей, ни подруг. Муж постоянно в части. Поэтому однажды она решила накормить работягу-солдата.

— Вылезай, чернорабочий! — крикнула она ему, когда Сашка штукатурил подвал. — Я тебе поесть принесла.

Саша улыбнулся и мигом поднялся наверх. Поздоровавшись с женой лейтенанта, он посмотрел на себя в зеркальце и рассмеялся.

— Действительно, чумазый! — сказал он. — Но внизу так пыльно. Кстати, меня зовут Саша.

Он протянул ей руку.

Женщина смутилась и немного покраснела.

— А меня Антонина. Тоня... — она пожала ему руку.

— А что мы сегодня кушать будем? — Сашка нарушил неловкое молчание и подошел к умывальнику.

— А чего бы ни принесла, все равно съешь за милую душу, это тебе не казарменная пища, — усмехнулась Антонина и открыла казан. Запах тушеного мяса вмиг наполнил помещение.

Сашка от наслаждения закрыл глаза и застонал.

— А вы не присоединитесь к скромной трапезе? — съехидничал он.

Антонина махнула рукой и отвернулась.

Сашка набросился на еду, совершенно не обращая внимания на супругу командира.

— Саша, скажите, а вы женаты? — вдруг спросила Антонина, когда парень доедал мясо.

Соломенный чуть не поперхнулся.

— Нет, что вы! Но у меня есть девушка. Даже две, — с полным ртом проговорил он и показал на пальцах.

Тоня рассмеялась, как ребенок.

— Так не может быть, — сказала она и

положила ему добавки.

— Может, еще как может быть! Это я у них один, а они у меня две, и я не знаю, кого из них выбрать. И вообще, я не знаю, люблю ли я их?

Он облизал ложку и взял кружку с компотом.

— Ты такой смешной! Ты всегда такой веселый? — спросила Антонина. С её лица не исчезала улыбка.

Сашка залпом выпил компот и закачал головой.

— На самом деле я очень печальный человек, хотя я знаю, что вы мне не верите.

Он встал и поблагодарил за обед:

— Такой вкуснятины я давно не ел!

Они еще немного поговорили, а потом Антонина ушла. Но она стала приходить к нему каждый день. И Сашка уже с нетерпением ждал этих встреч — её вкусных обедов, её таинственной улыбки.

Тоня каждый раз готовила что-то новое. Парень не уставал восхищаться её блюдами, а она была без ума от этого весельчака.

Как-то однажды она обмолвилась мужу: мол, хорошего солдатака ты нашел для работы. Такой веселый, заводной.

Нечаев был серьезным человеком, плюс ко всему еще и ревнивым, поэтому сразу же насторожился.

— Что, спелись?

— Что ты! — Антонина отошла сторону, поняв, что сказала лишнего. — Это я так...

Но она понимала, что ничего так просто не бывает. С каждым днем Сашка нравился ей все больше и больше.

Тоня рано вышла замуж. Молодой лейтенант вскружил голову деревенской девушке, когда однажды приехал к своим дальним родственникам. Они встречались всего месяц, а потом он увез её с собой на службу. Она была уверена, что он — её единственный избранник, и она никогда не полюбит другого.

...Как-то после праздников Саша отважился зайти к Антонине. Просто так, без всякого повода. Он знал, что командир уехал в другую часть и вернется не раньше ужина.

Она встретила его в коротеньком платьице. Стройные ножки, тонкая талия. Саша сначала даже растерялся. Она подошла к нему, и, закрыв глаза, прикоснулась губами к его щеке. Сашку словно парализовало. А Тоня шептала: «Я хочу твоей любви!» Он начал страстно целовать её. Но вдруг вырвался из объятий и отскочил к стене.

Но Тоня вновь прильнула к нему.

— Саша, я хочу тебя! — прошептала она и повела его в зал.

Все тело парня пылало огнем. Сорвав с себя форменную одежду, он набросился на неё, как хищник. И она застонала в его объятиях. С её плеч соскользнуло легкое платье. Она умирала от блаженства любви, и, закрыв глаза, полностью доверилась юноше.

Через несколько дней, когда командир снова уехал по делам, Саша вновь пришел к ней домой. Но дверь ему ни кто не открыл.

Он промучился весь день — хотел узнать, где Тоня, и вечером решился спросить об этом командира. Но офицер лишь грозно посмотрел на подчиненного. Ничего не сказал, лишь попросил больше не строить ему гараж. Сашка понял: что-то случилось. Но что?

Через месяц он получил странное письмо — без обратного адреса. Но когда вскрыл конверт, то догадался, что это весточка от Тони. Она умоляла простить её за тот поступок, мол, это была ошибка, и просила забыть про все.

Почему Антонина так спешно уехала из гарнизона, она не написала. Но Сашка догадывался. Наверняка, нашлись «доброжелатели» и командир узнал об их встрече. Устроил своей жене скандал и отправил на время к родителям.

После этого служба Соломенного резко изменилась. Командир словно перестал его замечать. Солдата стали чаще ставить в наряды и

строго контролировать его пребывание в гараже. Служба уже не казалась медом.

15

Огромный «Ил-76» приземлился на взлетную полосу аэродрома. Вокруг суетились какие-то люди в балахонах. Пыль стояла столбом.

— Ну, вот и прилетели, — вздохнул командир роты Волков и посмотрел в иллюминатор. По бетонке к грузовикам побежали военные. Старшина указывал, куда поставить машины для разгрузки спецоборудования. После полной остановки двигателей прозвучала команда на выход, и солдаты по одному стали покидать самолет через грузовой отсек.

Роман посмотрел в иллюминатор. Вот она, афганская земля. Каменистая и песчаная, дикая и таинственная. На этой земле себя чувствуешь таким одиноким. А где-то там за горами — Родина.

Глаза его заблестели, сердце сжалось от грусти, и на минуту показалось, что он больше никогда не вернется домой.

Когда он вышел из самолета, то посмотрел вокруг. Небольшую долину, где находился аэродром, окружали горы, казалось, что ты будто в западне, откуда уже не выбраться.

— Кушнерёв, о чем думаем? — крикнул

впереди стоящий офицер. — Поторапливайся. Рота давно стоит.

Подразделение почти в полном составе стояло у самолета. Роман чертыхнулся и побежал в строй, но его остановил майор Волков, приказав идти впереди с флажками.

Взяв пару флажков и вскинув автомат на плечо, солдат побежал впереди колонны.

Они шли к горам. Роман первый раз в жизни видел горы. Эти исполины вселяли какой-то непонятный страх, и в то же время ими нельзя было не восхищаться.

Впереди появились местные жители из кишлака. Они смотрели на солдат, как на диковинку, а потом эмоционально стали говорить друг с другом.

Какой-то темнокожий мальчуган даже подбежал к Роману. Кушнерёв остановился, сильнее прижал автомат к груди и стиснул зубы. В этот момент мальчишка что-то забормотал и отбежал в сторону.

Показались глиняные дома, вокруг которых бегали дети, на скамейках сидели пожилые люди в тюбетейках.

«Они, как звери, смотрят на нас!» — ловил он их взгляды.

— Шурави! Шурави! — закричал кто-то из зевак.

«Мы ничего плохого не сделаем!» — успокаивал себя Роман, первым проходя мимо любопытных стариков и детей.

— Шурави! Дружба! Помощь! — он услышал русские слова. От этого сразу стало легче на душе.

Тут к нему подбежал молодой мужчина в черном, грязном халате, и протянул какой-то сверток. Кушнерёв замешкался, закачал головой, но афганец настаивал, взять пакет.

— Нет, нет, я не имею права, — пробормотал Роман.

Мужчина, словно поняв свою оплошность, заулыбался, развернул сверток и показал восточные сладости. Но тут к нему сразу же подбежал командир роты.

— Что происходит, Кушнерёв? — спросил майор Волков.

— Они гостинцы суют, — начал объяснять солдат. А пожилой афганец протянул небольшой презент и командиру.

— Шурави! Помощь! — повторял он и улыбался.

— Нет, отец, не могу я это взять, — буркнул майор.

«Это гостеприимный народ! Они нам рады!» — думал Роман, всматриваясь в лица горцев. Тот старик все так и не уходил с дороги, кряхтел, качал головой и пытался отдать подарок солдатам. Но

никто не брал.

Часть, где дислоцировалось подразделение, располагалось недалеко от кишлака в провинции Баглан (северо-восточная зона). На территории, огороженной несколькими рядами проволоки, находились три казармы и одна общага для офицеров. Роман прекрасно знал такие железные казармы, которые зачастую использовались под склад. Зимой в них было страшно холодно, а летом невыносимо жарко. Но все равно это было лучше, чем ночевать в палатках или под открытым небом.

Весь оставшийся день солдаты обустроивались на новом месте. Конечно, условия жизни были далеко не идеальными. Удобства во дворе. Вода привозная — притом приказали экономить.

Перед отбоем командир построил подразделение на поверку. Он вновь говорил о том, как нелегко Афганистану, а вот о боевых задачах роты обмолвился всего в нескольких словах.

— Да он сам, наверное, толком не знает, — проговорил Сурин стоявшему впереди Роману. — Он решает за нас, а за него решают другие командиры, которые не понимают, что здесь происходит.

Роман хотел возразить другу: мол, мы — интернационалисты, приехали помогать

дружественному народу, но в этот момент прозвучала команда: «Разойтись, приготовиться к помывке!» Роман даже удивился: неужели здесь есть баня?

Большую брезентовую палатку, в которой стояли котел с горячей водой и печка-буржуйка, с трудом можно было назвать баней. Тем не менее, так приятно было помыться после длительной дороги.

— Да, служба здесь не мед! — сказал Роман Лехе, когда они вышли из бани. — Летом жара страшная. Но ничего, справимся.

— До лета еще дожить надо, — буркнул Сурин и тут же усмехнулся. — Ты что, думаешь, тебя просто так сюда привезли? Небошь, завтра же отправят в бой. И пиши письма сверху...

Быстро подкралась ночь. Но на новом месте совершенно не спалось. Железная сетка кровати низко свисала, и все время скрипела. Подушка была словно набита опилками. Давила и окружающая обстановка. Помещение без окон и дверей, с одними огромными воротами, которые еще вдобавок не закрывались плотно, и скрипели всякий раз, когда-то кто-то выходил по нужде. Сосед по коечке Петров ворочался с бока на бок и все сопел.

Роман толкнул его:

— Что, не спится?

Петров повернулся к Роману и прошептал:

— Я вот думаю, что не стоит писать родным про Афган. Зачем расстраивать мать и отца? Напишу, что служу в Монголии. А кто узнает? Ведь есть только номер полевой почты. Кто там будет знать, что наша часть стоит в Афгане?

— Может, ты и прав, — пробурчал Роман и закрыл глаза. — Давай спать, а то уже скоро подъем.

Все утро Роман только и думал о том, стоит ли написать родным про Афганистан. Своими мыслями он поделился с Суриным.

— Да мне-то что! — сказал Лёха. — Кому какая разница, где я служу: в Афгане, в Монголии, или в Африке. Убьют меня, брату только лучше будет. Дом пропъет и снова в тюрьму сядет...

Алексей иногда нес такую ерунду, что становилось страшного его слушать. Но Роман понимал его душевное состояние. Ведь у него не было в этой жизни никого, кроме непутевого брата-уголовника.

— Ничего, отслужим и поедем ко мне, — успокаивал его Роман. — Ты мне лучше скажи, как пройдет у нас боевое крещение? Командиры говорят, что скоро нас выведут в горы...

Лёха лишь усмехнулся и вновь посмотрел в горную даль, которая золотилась от солнца.

— Мама, я так больше не могу. Я должна пойти к Александре Григорьевне и все ей рассказать, — сказала Ира.

— Глупая ты, дочка! Она выгонит тебя. Дождись лучше дурака своего, который обрюхатил тебя, — не стесняясь в выражениях, ответила мать.

Ира с недоверием посмотрела на неё. Ей сразу вспомнился первый разговор с матерью, когда она ей обо всем рассказала.

«Еще этого только не хватало! — схватившись за сердце, тогда проговорила мать. — Да кто тебе поверит, что это ребенок Романа? Ты должна была первой ему об этом сказать. А теперь прошло уже столько времени! Скажут, что загуляла и теперь хочет захомутать парня!»

Мать отчасти была права. Во дворе в последнее время то и дело обсуждали её свидания с Борисовым. И это ей не нравилось.

Ира подошла к матери. Надежда Ивановна прижала дочку к себе:

— Хотя бы посоветовалась с матерью, прежде чем лезть в постель. А если твой парень скажет, что знать ничего не знает: не мой ребенок — и все. Что ты, дочка, будешь делать, ведь я вас двоих не потяну...

— Мама, я люблю Романа, а он любит меня. Я

дождусь его, я знаю, что у нас будет все хорошо. Но я должна рассказать Александре Григорьевне, даже если она меня выставит после этого за дверь.

Надежда Ивановна тяжело вздохнула.

И все-таки в тот день Ирина отважилась зайти к матери Романа.

— Ну, входи, входи, — проговорила женщина, увидев на пороге подругу сына.

Ирина сняла пальто, шапку и прошла в зал. Александра Григорьевна с подозрением посмотрела на её округлившийся живот, но промолчала.

Ирина начала разговор первой.

— Александра Григорьевна, я пришла к вам сказать, что... — девушка опустила глаза и начала теревить пальцы. — В общем, у меня будет ребенок.

— Я уже догадалась! — спокойно ответила женщина.

— Это ребенок Романа, — Ирина покраснела, подняла голову и пристально взглянула на Александру Григорьевну.

Но та лишь слегка усмехнулась, развела руками и промолвила:

— Ира, будем откровенны. Я знаю, что вы дружили с Романом. Вы встречались. Но я не думаю, что у вас все так далеко зашло. Ты меня извини, но после Романа ты встречалась с каким-то парнем. И мне это хорошо известно. Хотя я никакой

трагедии в этом не вижу.

Но Ирина не дала ей договорить.

— Почему вы все мне не верите, я знаю, кто отец ребенка, — она закрыла лицо руками и заплакала.

— А почему мы должны тебе верить? — спокойно спросила Александра Григорьевна. — И, пожалуйста, не плачь.

Ира вытерла глаза.

— Александра Григорьевна, миленькая, я никого не обманываю. Я очень люблю вашего сына. Я написала ему о ребенке в письме, но он почему-то молчит. Я не сказала ему перед армией, потому что боялась. А с другим парнем у меня ничего не было, поверьте.

— Ирочка, как женщина я тебя прекрасно понимаю. Но как мать... Пойми, мне судьба сына не безразлична. Я желаю тебе только счастья. И не надо обманывать ни себя, ни его.

— Я боялась. А вдруг он отверг бы меня, узнав, что я беременна, я боялась, Александра Григорьевна, честное слово, — запричитала Ирина, чуть бы не падая перед ней на колени.

Но Александра Григорьевна неожиданно перевела разговор на другую тему.

— А Романа перевели служить в Монголию, я вчера получила от него письмо. Хорошо, что не в Афганистан. Говорят, что сейчас туда направляют

наших солдат. Но там стреляют и убивают. Слава Богу, что все обошлось. Рома пишет, что ему нравятся степи.

Но Ирина как-будто не слушала её и вновь заговорила про ребенка.

— А что будет с нами?

— С нами? — переспросила пожилая женщина. — Девочка моя, я не желаю тебе ничего плохого. Живи и радуйся жизни, расти детей. Но только оставь нас с Романом. Я его воспитывала без отца. Так уж вышло...

— Но я его люблю! — закричала Ирина. — Как вы это не понимаете?

Александра Григорьевна искоса посмотрела на неё и проговорила:

— Да что вы понимаете в любви?

Ира больше не выдержала этого мучительного разговора. Вытерев слезы, она прошла в коридор, молча оделась, и, не попрощавшись, вышла из квартиры.

Она тихо шла по тротуару и думала о Роме. Как хотелось сейчас броситься в его объятия и пожаловаться ему. Да-да, пожаловаться на его маму. На всех людей в этом мире, которые не понимают её.

«А он обязательно поймет меня. Он знает, что это его ребенок. Он верит мне».

Она так замечталась, что чуть не столкнулась

с каким-то хипповым парнем.

— Эй, смотри по сторонам, телка, — раздалось за спиной. Но Ирина не обернулась. Хотя так хотелось также по-хамски ответить ему.

17

Как рано сюда приходит весна! Мартовская капель начинается с рассветом и заканчивается, когда солнце прячется за горы.

«Здесь совсем другая жизнь», — думал Роман, глядя, как сквозь камни пробивается трава.

Он стал привыкать к этому неброскому пейзажу. Месяц в горах пролетел незаметно, и наступившая весна немного взбодрила его. Он радовался теплым лучам солнышка и надеялся, что все будет хорошо. Хотя хорошего-то здесь было мало.

Все чаще стали привозить раненых солдат. А вчера впервые на его глазах умер сослуживец. Сержанта привезли на «вертушке». Он истекал кровью. Медики боролись за его жизнь, но это было не в их силах.

В тот день он заступил дневальным по казарме. Когда все солдаты ушли на занятия, в помещение неожиданно вбежал младший сержант.

— Эй, салага! — задыхаясь, прокричал он. Потом подбежал к тумбочке, достал носки и бросил

их Роману. — Я на задание. В горы. Вечером вернусь. Чтоб защиты были. Проверю!

— Я не буду этого делать! — твердо произнес Роман, спокойно подошел к бачку с водой и налил себе кружку.

— Ты, гнида! За тебя другие проливают кровь, а ты прячешься в части! — младшего сержанта взбесил его ответ. Он подошел к Роману и со всей силы ударил его в плечо. Роман еле удержался.

— Я научу тебя Родину любить! Вот вернусь... — он хотел ударить Романа еще раз, но в этот момент в казарму вошел прапорщик. Сержант вдруг закашлял, поправил форму и выскочил из казармы.

Роман от злости хотел пожелать ему смерти, но что-то остановило его. Он поднял с пола носки, присел на кровать, и, открыв тумбочку, полез за иголкой с нитками. Вдруг из ящика выпала фотография какой-то девушки. Роман поднял её и положил рядом.

«Какая симпатичная девчонка!» — подумал он, невольно вспомнив об Ирине. Вся злость мигом пропала. Так захотелось опять очутиться в том добром и тихом мире.

«Я почти месяц не получал от неё писем!» Роман надулся. Но он прекрасно понимал, что пока письма дойдут до Афганистана, утечет немало времени.

Тяжело вздохнув, он положил фотографию обратно в тумбочку, и, взяв нитки с иглой, направился к месту дневального.

В этот момент в казарму влетел Лёха Сурин. Увидев в руках друга носки, он усмехнулся. Роман рассказал, что произошло.

— Может, он и прав. Он воюет, а мы пока так... — ответил ему Сурин.

— А завтра? Что будет завтра, когда он уйдет домой? — Роман обиделся на слова друга. — Мы пойдем в горы. А вместо меня на эту тумбочку встанет другой солдат, и я так же буду заставлять его штопать свои вонючие носки?

Их спор закончился лишь под вечер, когда в часть пришла страшная весть. Отряд разведчиков погиб в бою с душманами. Среди них был и тот самый младший сержант, которому Роман зашил носки. Когда он узнал об этом, то подошел к его тумбочке и вновь достал фотографию девушки.

«А ты все ждешь его! Жди, он скоро приедет к тебе в цинковой шинели!» — проговорил про себя Роман. Положил фотографию на место и закрыл тумбочку. Задумался и даже не заметил, как к нему подошел Сурин.

— Теперь ему точно не нужны эти носки, — сказал он.

— Я не могу в это поверить. Мы сегодня утром с ним поругались, он ударил меня. И вот его

нет... — Роман посмотрел на Леху. — Как все глупо в этой жизни!

На следующеё утро часть прощалась с тремя погибшими разведчиками. Цинковые гробы, накрытые красными полотнищами, стояли посередине плаца. Когда строй прошел мимо них, отдав последние почести, «груз-200» отнесли к «вертушкам» и через два часа отправили в Союз.

18

Через неделю солдат срочно стали готовить к боевому выходу. Как-то после утреннего осмотра командир роты оставил на плацу десятерых бойцов. Среди них был и Роман Кушнерёв. Разбив их на две группы, офицер стал говорить про спецзадание. Задача была скрытно пройти три километра по горной местности.

И уже после обеда группа при полном вооружении вышла в горы. Нелегко было подниматься наверх. Роман часто останавливался и тяжело дышал. Наконец, они вышли на тропу. По ней идти стало намного легче. Тропинка уходила в глубь ущелья, куда лучи солнца практически не попадали. Роман шел третьим в цепочке. Впереди него плелся солдат Сафро с рацией. Прибор сильно пищал, и казалось, что этот писк выдает разведчиков.

Вдруг из-за камней в небо взлетела огромная черная птица. Роман даже немного испугался.

— Не дрейфь, боец! — заметил идущий впереди. — Это всего лишь орел, а не душман. Он не опасен...

Роман взглянул в небо. Он никогда раньше не видел такую птицу. Орел поднялся высоко в небо и парил над горами.

Вдруг раздался свист пули.

— Ложись! — закричал командир разведгруппы. Роман бросился на камни и закрыл голову руками. Минуту он пролежал, боясь шелохнуться. Потом все-таки приподнялся и хотел уже подползти к большому камню, как вновь просвистели пули. Роман застыл на месте.

— Кто его видит? — спросил командир группы. — Черт, он может сидеть где угодно. Это же горы...

— Кажется, я его вижу, — произнес Сафро, прижимая к груди автомат. Раздалась очередь, после неё ущелье сковала мертвая тишина.

Роман подполз к большому камню и попытался встать, но в этот момент откуда-то снизу вновь застрекотал автомат.

— Вон он, уходит, я его засек, — закричал командир группы. Почти в самом конце ущелья, прячась за камни, убегал человек, одетый во все черное.

— Сейчас я его подцеплю, — сказал командир и прицелился. Он выждал момент, когда душман вновь попытался перебежать к другому камню и открыл по нему огонь. Незнакомец как-то неестественно выбросил руки вверх и упал.

— Готов! — улыбаясь, проговорил Сафро.

— Всем спуститься вниз, — скомандовал командир и первым вышел из укрытия.

Роман так спешил, что чуть не упал. Еще бы немного, и он кубарем полетел бы вниз.

Душман лежал на спине с открытыми глазами. Из рта у него стекала струйка крови.

— Мертвый! — махнув рукой, произнес командир и проверил его карманы. Но в них ничего не было. Взяв автомат и патроны, командир пнул тело ногой.

— Ничего, привыкнешь к смерти. Это война. Здесь или ты его, или он тебя, — командир вытер пот с лица. — Ладно, хватит лирики. Сафро и Семенов, уберите тело.

Двое бойцов взяли убитого за руки и оттащили за большой камень. Забросав тело камнями, они вернулись обратно.

После этого командир приказал всем подняться на тропинку и следовать в часть.

Едва Роман вошел в казарму, как сразу же упал на свою коечку. С непривычки трудно было целый день ходить по горам.

— На этот раз повезло, — проговорил он.

Сидевший напротив Сурин, как всегда, хотел возразить, но в этот момент прозвучала команда строиться на плацу.

— Черт, только этого не хватало! — огрызнулся Роман, но нужно было выполнять.

На плацу стоял весь личный состав части. Вышел хмурый командир и долго смотрел на солдат, словно не зная, с чего начать. Потом стал перешептываться с замполитом и другими офицерами, и лишь когда солдаты слегка зашумели, он громко произнес:

— Товарищи! У нас произошло ЧП. Один солдат самовольно покинул часть. Причина нам пока непонятна, но его поступок расценивается как дезертирство. Здесь война. И нам надо обязательно найти беглеца, чтобы он не попался в руки бандитов и не был зверски убит.

Командир на секунду остановился, повернулся к замполиту и продолжил:

— ...Надо будет обсудить это на партийных и комсомольских собраниях части. А сейчас — командирам взводов приступить к поискам! От части далеко не уходить. Проверить склоны гор. О результатах докладывать через каждые полчаса.

Бойцы стояли с поникшими головами. Они, так же как и офицеры, понятия не имели, куда здесь можно сбежать, когда на каждом шагу, из-за каждого камня не исключено получить пулю в лоб.

В течение оставшегося светового дня половина личного состава осматривала округу. Через каждые полчаса дежурному поступали сообщения, но все безрезультатно.

Когда солнце скрылось за горами, поступила команда прекратить поиски. Продолжать уже было небезопасно.

После вечерней поверки командир зашел в кабинет к замполиту. Подполковник, насупившись, сидел в кресле и курил папиросу.

— Ну, что прикажешь делать, Михаил? — командир присел рядом и тоже закурил. — Я не имею права больше скрывать ЧП. Надо докладывать наверх. Поиски ни к чему не привели. Парня либо уже убили, либо он в плену.

— Нет, — протянул замполит. Потом взял из пачки новую папиросу, и, покрутив перед носом, вдруг смял её со злости. — Такие не пропадают. Думаю, он знал куда бежать.

— А как же это? — командир схватил со стола листок бумаги и ткнул под нос замполиту.

— Это всего лишь бумага, объяснительная. Таких можно написать тысячу! — усмехнулся подполковник. — Ну, не верю, что рядовой Быков

поссорился с этим, как его, Вишняком. Они подрались, и Вишняк из-за этого сбежал. Да мало ли с кем они ругаются? Пацаны же еще. Дело привычное. А наверху нас за это по головке не погладят, командир.

До трех часов ночи командование части выясняло все обстоятельства самовольного ухода солдата Вишняка. Несколько раз в присутствии особиста допрашивали рядового Быкова, у которого с Вишняком произошел конфликт. Потом на ковер вызывали командиров роты, взвода и всех сержантов. Но никто ничего вразумительного сказать не смог. Под утро командир части доложил о ЧП вышестоящим начальникам.

Вишняк не объявился ни на следующий день, ни через два дня. А через неделю разведчики перехватили разговор двух моджахедов. Из скурых слов можно было понять, что несколько дней назад они поймали какого-то шурави. Вроде бы военный, сам сдался в плен, заявив, что не хочет воевать в Афганистане.

После этого случая в подразделениях прошли комсомольские собрания, где военнослужащие осудили поступок солдата и исключили Вишняка из комсомола.

— Как ты думаешь, что с ним стало? — спросил после собрания Роман Леху Сурина.